

С.П. Гринева
(БелГУ, Белгород)

Н.Н. Страхов – мыслитель и его время

Страхов – философ, мыслитель, эстет неразделим: в его мировоззрении одно из названного, неотделимо от другого, всё взаимообусловлено. Чтобы понять весомость вклада Страхова в русскую культуру, его востребованность, в том числе и в наше время, следует обратиться вначале к некоторым тенденциям русской жизни. Мы ставим целью всеохватно решать названную проблему. Наша задача – показать, как общественно-философская, эстетическая концепция жизни Страхова нашла отражение в оценках разных явлений культурной жизни общества, и прежде всего – в литературной критике, которая к этому времени являлась едва ли не основной в многообразной деятельности Н.Н. Страхова.

Известный учёный – исследователь истории русской культуры и литературы Н.Н. Скатов, представивший внушительную статью к книге «Н.Н. Страхов. Литературная критика», отмечает, что Страхов, будучи человеком «устойчиво консервативных» взглядов, был активным участником «бурных журнальных полемик», он всегда занимал правые позиции, был непримиримым врагом революционно-демократических критиков.

Вторая половина XIX века отмечена становлением в истории России активным ростом и развитием национального сознания, истоки которого берут начало после войны

1812 года. Этот процесс положил печать на литературоведение многих деятелей разных направлений, в том числе и на литераторов. Если говорить о художниках слова, то каждый «разрабатывал» эту идею в каком-то своем жанре, но в конечном итоге мощный толчок во всех началах искусство получило от Пушкина, определившего развитие литературы на много десятилетий вперед до Л. Толстого, который подхватил «начатое» или «намеченное» своим великим предшественником, углубив и развив его идеи в психологическом аспекте, сосредоточившись на диалектическом развитии духовного мира «русского человека на русской земле».

В литературной критике, начиная с 60-х годов XIX века, можно отметить несколько литературно-критических движений, которые переживали в течение десятилетий эволюцию: реакционная критика лагеря «официальной народности»; славянофильская критика; теория «чистого искусства» («эстетическая» критика); революционно-демократическая критика; «органическая критика» («почвенничество»). В чём-то они перекликались, в чём-то расходились. Например, развивая традиции Белинского в литературной критике, Писарев в тоже время подвергает его нападкам (статья «Пушкин и Белинский»). В противопоставлении Пушкина Гоголю «... ясно просматривается и реальное противостояние общественных сил» – справедливо отмечает Н.Н. Скатов (1, с.7). Некрасов полемизирует с Дружининым, представителем и вождем эстетического направления в литературе могло называть лишь Пушкина, а в критике – Белинского, а Страхов считал родоначальником объективной русской критики Ап. Григорьева. Ему не помешало мнение Григорьева, с которым был знаком Страхов. Григорьев называл Белинского «гениальным человеком». Он писал: «Литература была для него, оправдывала его доктрины, потому самому, что он её угадывал, определял с удивительной чуткостью её стремления. Разъясняя её, как Гоголя и Лермонтова. Говоря о литературе нашей, – а она долго была... единственным средоточием всех наших высших интересов, – постоянно бываешь поставлен в необходимость говорить о нем. Высокий удел, данный судьбою немногим из критиков! – едва ли, за исключением Лессинга, данный не одному Белинскому. И дан судьбою этот удел совершенно по праву» (1, с.8). Вслед за Григорьевым, Страхов согласился лишь с одним доводом, что Белинский в Пушкине «всё понимал» и рекомендовал в статье «Нечто о полемике» обращаться к этим двум именам. В статьях о Пушкине он во многом поддержал оценки Белинского. Все сказанное свидетельствует о непростых взаимоотношениях и мировосприятии Страхова и его современников, их оценок его литературно-критического наследия. Воспитанный в духовной атмосфере семинарии, он тянулся к светскому образованию, получил его и имел возможность аналитическим путем проверить всё, что ему внушали многие годы. Оставшись религиозным человеком, он изучил дарвинизм и не нашёл глубоких доказательств в правоте ученого и небожеском появлении человека. Из духовной семинарии он вынес любовь и благоговение по отношению к Родине, науке, книге. Эти качества в нём развились в последующей деятельности. Это были не официозные чувства напоказ, а истинные, естественно выразившиеся впоследствии в его трудах и деятельности. Ему было противно «заскорузло-националистическое» (Н. Скатов) отношение к жизни. Он полемизировал с догматами русофильства, которое проповедовал Катков, с наивными выпадами славянофилов. Его здравый смысл не дал ему втянуться в молодости в революционные студенческие движения. «В знаменитом университетском коридоре мне довелось слышать то рассуждение о том, что вера в бога есть непростительная умственная слабость, по похвалы системе Фуры и уверения в её неперменном существовании...» (1, с.13).

Через творчество, критику Страхова красной нитью проходит продуманная и выстраданная антинигилистическая позиция. В нашем случае, по трактовке Н. Скатова: «это и вообще всякое европейское общественно-политическое и интеллектуальное движение, основано на идеях революции, социализма, даже просто на началах либеральности и прогресса, но прежде всего, конечно, это русская революционная демократия» (1, с.14). Страхов считал, что отрицание и сомнение сами по сути силы не имеют, но он нашёл, что они опираются на могучую силу естественных наук. Его подтолкнул и тот факт, что пробле-

мами материалистических учений часто занимались люди, имеющие гуманитарное образование: Чернышевский, Добролюбов, Писарев, а в роли защитников эстетики было немало представителей естественных наук: Аверкиев, Соловьев и др. У Страхова есть целый ряд работ естественно-научного характера. Как следует из высказываний самого Страхова в своей биографии, постоянное прослеживание за развитием естественными науками определило его интерес и впоследствии привлекло его к органической критике Ап. Григорьева.

Деятельность Страхова была, как мы уже упоминали многогранной, однако он нигде не оставил законченной системы или теории. Н. Скатов назвал работы Страхова мозаичными. Но все «мозаики» отличаются отделанностью и законченностью, но он же и самый последовательный тип критика в нашей литературе. Как отмечают исследователи, занимаясь проблемами философии, Страхов не оставил никакого позитивного учения. Сам он по этому поводу писал: «Хотя меня зовут обыкновенно философом, но такие приятели, как Достоевский, Майков, – все тянули меня на критику» (1, с.17).

От Гегеля он вынес способность к диалектическому подходу в исследовании проблем, историзму мышления, которые усилили его критическое и аналитическое начало, его убеждение в великую силу разума, о «могучей силе» познания.

Увлекаясь философией Шопенгауэра, он не принял его скептицизма, пессимизма.

Названные особенности во взглядах Страхова определили и его литературно-критические позиции. К литературной деятельности его привлек Ф.М. Достоевский, с которым он познакомился случайно на одном из вторников А.П. Милюкова (сослуживец Страхова). Здесь обсуждались политические и социальные вопросы. Достоевский пригласил Страхова в свой журнал «Время» в качестве одного из главных сотрудников. Вокруг этого журнала (а после его закрытия журнала «Эпоха») сформировалось движение, которое называли «почвенничество». Оно было представлено статьями Ф.М. Достоевского, Ан. Григорьева, Н.Н. Страхова. Именно они были идеологами «Времени».

«Почвенники» призывали к сближению с народом (с «почвой») образованную интеллигенцию. «Почва» – это выражение подлинного национального характера.

В революционных идеях почвенники видели разрушительную силу. С этих позиций решались вопросы о роли, предназначении и содержании литературы и искусства в целом. Апполоном Григорьевым были разработаны принципы «органической критики», по которым оценивались писатели и их творения. Главный принцип его – показ русского национального характера, русского человека на русской земле; отражение жизни в органическом единстве, гармонии, как в природе. С этих позиций Страхов оценивает романы Тургенева «Отцы и дети» и «Дым», творчество Герцена, роман Достоевского «Преступление и наказание», роман «Война и мир» Л.Н.Толстого, творчество Пушкина.

У каждой из этих статей была конкретная первопричина в их создании. Выделяя две вершины, не достигаемые и сегодня в русской литературе, – Пушкина и Толстого, Страхов видит их заслугу не только в высоком художественном мастерстве, но прежде всего в попытке (и весьма успешной) показать жизнь русского общества, русского человека в его национальной самобытности. С горечью говорит критик о подражании Западу в искусстве, он высоко оценивает творчество Пушкина в изображении простых русских людей (Белкиных, Мироновых), Толстого, который подхватил Пушкинскую традицию в изображении русского национального героя, психологически его углубил и осмыслил, раскрыл «диалектику его души» (Тушин, Тимохин, Каратаев и др.).

Мы не ставим целью детально развивать мысль в этом направлении, лишь отметим, что и в литературной критике, сколь «мозаична» она тоже ни была, главная линия – это национальная народная идея, сквозь призму которой Страхов оценивал место писателя и его вклад в культуру и духовность России. Например, заслуга Толстого. По его мнению, в том, что писатель в своём творчестве воплотил идеал простоты, добра и правды русского духа, русского человека. Он называет Толстого патриотом земли русской.

Жизнь и идея Н.Н. Стрхова – неисчерпаемый источник для исследования учёных разных направлений. Наша изменившаяся действительность востребовала российских деятелей прошлого, идеи и опыт которых не потеряли актуальности и для нашего времени.

Литература

Стрхов Н.Н. Литературная критика. – М., 1984.